

Е. М. Лазуткина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

lazutkelen@yandex.ru

СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ КЛАСС ГЛАГОЛОВ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ИСЧИСЛЕНИЕ

В статье определяются синтагматические свойства глаголов посредством исследования семантики моделей предложения, выявляются парадигматические отношения в лексике и грамматике. Автор определяет синтагматический класс глаголов как функционально-семантическую категорию и как базовый концепт.

Для обнаружения моделей глагольных предложений, описания их семантики, деривационных связей и внутримодельных модификаций используется метод моделирования: создается мыслительный конструкт сигнификативного ядра предложений. В статье показывается методологическая ценность понятия “синтаксическая позиция формы слова”. Описываются два типа синтагматических классов — синтагматический класс событийных глаголов локально направленного действия и класс бытийных акциональных глаголов.

Композиционная семантика моделей предложений и их деривационные отношения позволяют обнаружить в определенных морфологических формах в определенных синтаксических позициях макросемантические разряды имен, которые являются способом представления базовых концептов. Выявлена следующая особенность: формы ед. ч. в именит. или творит. пад. вещественных или отвлеченных существительных в синтаксической позиции с пропозитивным значением функционально тождественны формам мн. ч. конкретных существительных. Они обозначают несчитаемое множество, единое целое, массив, т. е. представляют концепт «множество» как «недискретное множество (континуум)».

Структура синтагматического класса глаголов локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту охвата объекта, соответствует определению нечеткого множества.

Синтагматический класс акциональных бытийных глаголов представляет собой периферию поля бытийных предикатов. Модели предложений могут быть обнаружены по константному набору семантических компонентов. Строение моделей обусловлено наличием модусного плана субъекта речи: информация о действии

трактуется как положение дел, факт. Денотативный план, названный конкретной глагольной лексемой, включен в бытийный смысл пропозиции; в моделях обратный порядок слов.

Ключевые слова: теория синтаксиса, синтагматика и парадигматика, синтагматический класс глаголов, концептуальный анализ.

Было бы заблуждением думать, будто существует какой-то бесплотный синтаксис вне этих распределенных в пространстве материальных единиц.

Ф. де Соссюр

I. Законы синтаксической организации речи — центральная проблема в языкознании

Исследование синтагматики входит в число проблем общей теории языка, поскольку синтаксические закономерности — это способы проявления парадигматических отношений в системе и способы репрезентации концептов. Подчеркивая неочевидность парадигматических отношений, Ф. де Соссюр называет их «виртуальным мнемоническим рядом» [Соссюр 1977: 155]. Скрытый характер парадигматических связей имел в виду А. А. Потебня, когда утверждал, что «связь между отдельными явлениями языка гораздо теснее, чем кажется» [Потебня 1958: 45], «мы умеем читать лишь самые грубые указания на родство явлений» [Там же: 62].

Особая роль в линейной организации речи принадлежит глаголу. Его конструктивные свойства — постоянный предмет интереса ученых, начиная от Аристотеля. Ср.: «Глагол — душа предложения <...> ему акт синтетического укладывания присущ как грамматическая функция» [Добиаш 1898: 40]. Как правило, в своем поиске синтаксической общности глаголов исследователи обращались к группам семантически близких глаголов, рассматривая их дистрибуцию, но синтаксически значимые семы, отражающие глубинную содержательную сущность глагольных лексем, отнюдь не всегда зависят от доминантной семы близких по значению глаголов. Синтаксически релевантные семы могут проявиться на более абстрактном, дискурсном уровне — на уровне синтаксиса предложения и парадигматики предложений, где становятся очевидны условия появления этих глаголов в речи. Некоторой аналогией может служить принцип соотношения фонетических и морфологических единиц: «на конкретном уровне — класс как множество, на абстрактном уровне — класс как целое» [Степанов 1998: 57–59].

Традиционно, начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, в связи с проблемами синтагматики разрабатывается тема «категория падежа». Понятия «падеж», «форма слова», «словоформа» являются средствами выражения синтаксической зависимости и средствами обозначения смысловых отношений в структуре предложения. *Форма слова* — это отвлеченный грамматический образец, а *словоформа* — это видоизменение по этому образцу конкретной лексики [Русская

грамматика 1980, II: 24]; например: *Вижу березу*. Категории падежа посвящена и работа А. А. Зализняка «О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях». А. А. Зализняк рассматривает падеж в семантическом и формальном аспекте. Он пишет: «Падежу в семантическом понимании соответствует вводимое ниже понятие “семантическая роль” <...> Конкретный падеж в семантическом понимании — это некоторый элемент смысла, а именно, определенное смысловое отношение» [Зализняк 1973: 56]. К изучению сущности этой морфологической категории обращается Ю. С. Степанов: «Первичная семантическая (точнее, семиологическая) функция каждого падежа не может быть определена в рамках одного отдельно взятого предложения или типа предложений. Она определяется в минимальной системе перифраз или, в отдельных случаях, трансформаций» [Степанов 1989: 136–137].

В исследованиях по синтагматики целесообразно применение когнитивно-прагматического подхода, при котором происходит описание языка в модальности субъекта речи. «Работа» языка предстает как действие системных прагматических механизмов, вобравших в себя исторический опыт вербальной коммуникации.

Оценка, присутствующая в замысле говорящего, выступает как облигаторный строевой компонент предложения. Ср.: «Высказывания без оценки не построишь. Каждое высказывание есть прежде всего оценивающая ориентация»; «Оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1996: 303–323]. «К человеческому сознанию следует подходить не только как к знанию, но и как к отношению» [Мигунов 1986: 91]. В. В. Виноградов считал, что модальность — это языковая универсалия, основная семантическая категория языка. «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение» [Виноградов 1975: 55]. С этим согласуется заключение Дж. Сёрля о необходимости описывать язык в терминах интенциональности [Searle 1983]. Типы оценок описываются как модусы высказываний. Н. Н. Болдырев вводит понятия «модусные концепты» и «модусные категории» [Болдырев 2018: 264].

Такое направление работ было задано уже учением Ф. И. Буслаева о существовании логики самого языка, его мыслью «соединения языкознания с философией языка». В XXI веке можно говорить о трансфере известных лингвистических постулатов, об экспорте металингвистики в такие смежные науки, как новая эпистемология гуманитарного знания и психолингвистика, которые акцентируют роль диалоговой основы языка, личности говорящего и мира адресата.

В качестве исходного мы принимаем тезис, что естественная категоризация действительности отражается в построении предложений, что схемы (модели) предложений, как устойчивые коммуникативные образцы, предопределены интерпретативными процессами. Модели предложений обнаруживают эпистемическую оценку, социальные и культурологические предпочтения носителей языка, т. е. демонстрируют способ видения коллективного говорящего, его импликатуры, которые считываются адресатом в актах общения.

Синтагматический класс глаголов — это функционально-семантическая категория глаголов-предикатов, определяющая валентностные свойства глагола,

композиционную семантику моделей предложений, направление развития полисемии, межмодельные и внутримодельные деривационные процессы. Эта категория объединяет глагольные слова разных лексико-семантических групп.

Синтагматический класс глаголов — это *языковая категория*, имеющая формы своего представления, и в то же время, феномен онтологии языка, *базовый концепт*. Структура этого концепта сложная, потому что, помимо предизирующего компонента, включает «участников события», исполняющих свои роли, в зависимости от ракурса отображения события в речевой практике. Естественно, что в интерпретативных процессах вырабатываются когнитивные категории, которые могут иметь не только номинативный характер, но могут обладать и линейно расчлененной структурой. См., например, концепты «субъект и его признак», «активно действующий субъект» [Попова 2009].

Грамматическую категорию определяют как ряд форм, объединенных со стороны значения [Пешковский 2001: 89–90; Кручинина 2009: 13–16], или, в другой формулировке, как обобщенное (родовое) значение существующей в данном языке системы форм, или «рядов форм» [Бондарко 2017: 52].

Для синтаксиса представляется ценным опыт разработки теории категориальных значений в морфологии и изучение вопроса о тождестве грамматического значения. В этих исследованиях выявлены разные виды грамматических категорий, разнообразные типы категориальных значений, подчеркнута неравноправность членов морфологических корреляций: выделены прямые, производные, частные, общие, дробные, конкретные, узкие, специальные, скрытые, беспризнаковые и нулевые категориальные значения. См. об этом: [Кручинина 2009: 5–14].

Для выявления категориального значения следует использовать общий принцип подведения под категорию Л. В. Щербы, в соответствии с которым обязательный начальный этап работы — это формулировка предположения, выдвижение гипотезы. К методу эксперимента Л. В. Щербы восходит гипотетико-дедуктивный метод исследования семантики языковых единиц (метод моделирования), который описывается в ряде работ [Степанов 1975: 118; Селиверстова 1976: 133–143].

В нашем исследовании выдвижение гипотезы — это построение мыслительного конструкта (модели) сигнификативного ядра моделей глагольных предложений. Класс глаголов с одинаковыми синтаксически релевантными семами может быть исчислен в случае обнаружения константного значения у максимально большого количества моделей предложений.

Главным инструментом анализа семантики модели предложения и ее парадигматических связей является понятие *синтаксической позиции формы слова*, введенное в теорию синтаксиса Т. П. Ломтевым и названное им главной единицей смысловой организации предложения. Понятие “синтаксическая позиция” раскрывает значимость формы слова (ее “реляционные свойства”) в модели предложения: «В понятии позиции грамматической формы выражается характер ее зависимости от других форм внутри простого предложения, в нем подчеркивается свойство, связанное с тем, членом какого отношения является данная грамматическая форма» [Ломтев 1960: 22]. Функция формы слова реализуется в ансамбле с функциями

других средств. «Функции каждой из единиц по существу приходится восстанавливать» [Бондарко 2011: 207].

Синтаксическая позиция имеет более отвлеченные семантические признаки, чем известные категориальные разряды существительных, занимающих эти позиции. Это понятие показывает, что модель предложения связана с миром знания через содержательные структуры языка более высокой степени абстракции, нежели значение слова, — посредством отнесенности форм слов особой категориальной семантики в особой синтаксической позиции к определенному макросемантическому разряду лексики, а значит, к когнитивной категории, к базовому концепту. Кореферентность синтаксических позиций в соотносительных моделях предложений выявляет концептуальную сущность форм слов.

Для демонстрации этого метода исследования глагольной синтагматики благодатным материалом является разряд семантически емких *событийных глаголов*, которые обозначают переход пациенса из одного состояния в другое (безотносительно противопоставления их по виду). Структура значений событийных глаголов обязательно включает отрицательный компонент [Daneš 1971: 197–207; Daneš, Hlavsa a kol. 1981; Лазуткина 1980: 49–56]. Об исследованиях семантики событийных глаголах см. также: [Демьянков 1983: 324].

Если функционально-семантическая категория предиката «диатеза» имеет в своей основе корреляцию предложений с гомоморфными глаголами, то категория «синтагматический класс» принадлежит к более сложному типу базовых концептов: эта категория объединяет не только гомоморфные глаголы, но и глаголы разных лексико-семантических групп.

Рассмотрим два синтагматических класса: 1) класс событийных глаголов локально направленного действия с семой полноты заполнения, охвата; например: *Пронизала вершины деревьев желто-бархатным светом заря* (А. Белый); *Он подпер камешком струю воды, и она тихо щебетала над его ухом* (П. Павленко); и 2) класс акциональных глаголов с бытийной семой: *В разведке добылась ценная информация; До села доносился гул тракторов*.

II. Синтагматический класс событийных глаголов локально направленного действия

Мыслительный конструкт (модель) сигнификативного ядра предложений с событийными глаголами локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту охвата объекта (окружения, заполнения, пропитывания и т. п.), строится на основе модели предложения с двухвалентными каузативами; например: *Дамы увешивали грудь и шею бриллиантами, а любители считать чужие богатства вычисляли их стоимость* (К. С. Станиславский). Мыслительный конструкт состоит из следующих компонентов: *предикат*, *объект* (конкретное существительное в винит. пад. со знач. места локализации, облигаторный член предложения), *субъект действия и адъект* (средство воздействия, названное словоформой в твор. пад., локализуемая субстанция; облигаторный член предложения).

Эксплицитность выраженности всех «участников» события заставляет нас считать модель с двухвалентным глаголом исходной в деривационной цепи (вспомним указание Л. В. Щербы «разыскивать», какая категория навязывается самой языковой системой [Щербы 1974: 80]).

Данное сигнификативное ядро предложений было обнаружено у 1400 глаголов, принадлежащих 11 лексико-семантическим группам. Композиционная семантика предложений с этими глаголами и деривационные связи моделей предложений позволяют объединить эти глаголы в один синтагматический класс глаголов **локально направленного действия**, имеющего своим следствием полноту заполнения (охвата, окружения, проникновения и т. п.) объекта. Межмодельные деривации и внутримодельные модификации предложений демонстрируют разные типы функционального приспособления структуры для сохранения семантики ядра, разные способы существования компонентов модели: в качестве формы имени существительного, нулевого члена (подразумеваемого или обобщенного средства воздействия) или инкорпорированного члена (названного глагольной лексемой); например: *Надо **перегородить** проход (чем-то). Дорогу опять **асфальтируют**; Девушка **надушилась**; Ветки **заиндевели**; Губы **обметало** (лихорадкой).*

Синтагматический класс глаголов локально направленного действия показывает свою структуру в парадигматической системе языка следующим направлением развития деривационных связей моделей предложений.

1) Исходная модель — с двухвалентным каузативным глаголом — с семантикой “локально направленное действие, имеющее своим следствием полноту охвата (заполнения и т. п.) объекта средством воздействия”: *Мы **окружили** дом сиренью. Мама **пропитывала** коржи кремом.* Эту модель можно использовать как перифразу при толковании других моделей.

2) Производная модель — с атокаузативом: *Я **покрылась** шалью; Ребенок **облился** кефиром.*

3) Вторая производная модель представляет собой деривацию **декаузации** от исходной модели (направление развития полисемии — от двухвалентного глагола к одновалентному [Лазуткина 1988: 110]). Ср.: *Мы **окружили** дом сиренью — Дети **окружили** тренера. Мы **заняли** всю посуду молоком — Аромат дыни **занял** все комнаты.*

Семантика схемы: “направленное на объект действие субстанции, способной к самостоятельному перемещению, имеющее своим следствием пространственную смежность с объектом”. Имя в субъектной позиции берет на себя роль производителя действия и средства воздействия (каузатора), соединяет обе синтаксические функции. Имена существительные в этой позиции входят в макросемантический разряд «субстанция, способная к самостоятельному перемещению». Таким образом, субъектная позиция является способом репрезентации базового концепта.

Имена существительные в этой позиции имеют маркеры ‘определенность’, ‘множественность’ и обнаруживают такую закономерность в грамматической семантике русского языка: формы **ед. ч.** вещественных или отвлеченных существительных *синонимичны* формам **мн. ч.** конкретных существительных. Они могут

выполнять одну и ту же функцию, поскольку обозначают несчитаемое множество, единое целое, массив, т. е. представляют концепт «множество» как «недискретное множество (континуум)».

4) Дериват модели с одновалентным глаголом имеет значение “изменение состояния субъекта, являющегося объектом действия, имеющего своим следствием пространственную смежность объекта и средства воздействия (каузатора)”. В модели обратный порядок слов. Предложения представляют собой утверждение о событии, но чаще это результативные конструкции, сообщающие о положении дел; например: *Комнату окутывает дым. Лодку захлестнула волна.*

Эта производная модель представляет интерес в аспекте лингвокультурологии и философии языка как системная метафора на основе архисемы ‘полнота заполнения, охвата’, поскольку эту модель использует для своей репрезентации концепт «изменение состояния человека под действием стихийных сил, мыслей, чувств». Носители языка трактуют процессы в эмоциональной и интеллектуальной сфере человека по аналогии с процессами во внешней среде. Строение модели предложения говорит о том, что для говорящих на русском языке важно сделать именно человека темой высказывания, даже если его статус — объект воздействия. Модель предложения передает стихийный характер действия. Названия явлений природы, чувств и мыслей, охватывающих человека, хотя выполняют функцию подлежащего, занимают периферийную позицию каузатора в предложении. Ср.: *От радости ходить по земле охватывает его душу ветерок счастья...* (Ю. Бондарев); *Меня захватила жажда новых открытий; Его пронзила сырость.*

5) Модель безличного предложения представляет собой дериват исходной модели. Обратный порядок слов свидетельствует об утверждении говорящих, что объект действия (место) — это субъект, изменяющий (или изменивший) свое состояние. Позиция стихийного каузатора — в творит. пад. на периферии предложения; она может быть нулевой; например: *Солнце закрывает тучами; Горло обложилось; Дорогу заснежило.*

6) Производная модель “непроизвольное изменение состояния субъекта под воздействием стихийного каузатора” организуется глаголами с постфиксом *-ся*. Обозначается неконтролируемое стихийное событие локализации; субъектная словоформа в им. п. называет предмет, изменяющий свое состояние в результате воздействия локализующейся субстанции; например: *Борщ взялся жиром; Корка заплесневела* (инкорпорированный компонент); *Свечи оплывали в канделябрах* (подразумеваемый компонент).

III. Структура синтагматического класса в синхронии и диахронии.

По своей организации синтагматический класс представляет собой нечеткое (расплывчатое) множество, по терминологии Л. Заде и Р. Лакоффа. Не каждый глагол этого класса организует все модели предложений рассмотренной деривационной сети. Во-первых, не все ракурсы локально направленного действия могут быть

названы конкретной глагольной лексемой; во-вторых, свои ограничения накладывает словообразовательная система.

И. С. Улуханов подчеркивает строгое соответствие синтаксического поведения глаголов и их словообразовательной деривации: «Мотивирующий глагол сильно управляет вин. беспредложным, префиксальный глагол имеет двойное сильное беспредложное управление — вин. и тв. п., причем в форме тв. п. стоит то имя, которое занимает позицию сильноуправляемого вин. п. при мотивирующем глаголе. Это соотношение имеет место у словообразовательных типов с префиксами *вы-*: *плести косы на голове — выплести косами голову*; *до-*: *лить что-н. во что-н. — долить что-н. чем-н.*; *за-*: *ставить что-н. на что-н. — заставить что-н. чем-н.*; *из-*: *рисовать что-н. на чем-н. — изрисовать что-н. чем-н.*; *о-*: *сыпать что-н. на что-н. — осыпать что-н. чем-н.*; *об-*: *лить что-н. на что-н. — облить кого-что-н. чем-н.*; *от-*: *дарить что-н. кому-н. — отдарить кого-н. чем-н.*; *пере-*: *сыпать что-н. на что-н. — пересыпать что-н. чем-н.*; *у-*: *вешать что-н. на что-н. — увешать что-н. чем-н.*» [Улуханов 2017: 227–228].

Весь набор диатез присущ только глаголам с наиболее общим значением, например: *заполнять, покрывать, заливать, захватывать*. См.: *Мороз покрывает лужи тонким ледком — Тонкий ледок начал покрывать лужи — Лужи начал покрывать тонкий ледок — Лужи начало покрывать тонким ледком — Лужи начали покрываться тонким ледком*.

Конструкции с глаголами, имеющими конкретное, узкое значение, как правило, представляют собой лишь отдельные участки деривационной сети; например: *Лужа взялась коркой льда. Повар обдал кастрюлю кипятком. Тишину пронзил резкий звук*; менее частотный вариант: *Трубоч пронзил тишину резким звуком*.

Попытка построить другие предложения с гомоморфными глаголами приводит к нарушению языковой нормы. Ср. невозможность следующих активных конструкций: **Корка льда взяла лужу, *Лужу взяло коркой льда. *Кипяток обдал кастрюлю; *Кастрюлю обдало кипятком; *Кастрюля обдалась кипятком. *Тишина пронзилась резким звуком*.

Кроме того, системные связи глаголов в каждый исторический период существования языка имеют свою специфику, поэтому состав класса может изменяться. Этот аспект языковых процессов представляет интерес для интерпретативной лингвистики и лингвокультурологии.

По сравнению с речевой практикой XIX века в современном русском языке увеличилось число синтаксических моделей, в которых имеет место тематизация названия человека, несмотря на его пассивную роль в описываемом процессе. Это свидетельствует об интересе к человеку в современном речевом общении. Соответственно, уменьшается количество безличных конструкций, описывающих неконтролируемые процессы, и моделей, в которых имеет место тематизация предметной лексики при обозначении процессов, происходящих с человеком.

Так, например, каузативный глагол *обрасти*, еще недавно употреблялся в значении «распространиться по всей поверхности, вокруг» с сильноуправляемым компонентом в винит. пад. (*обрасти что*); например: *Борода и усы обросли нижнейю*

часть лица [Пьера] (Л. Толстой); *Грязно-серая борода обросла его лицо от глаз до шеи* (М. Горький). Но в настоящее время носители языка делают темой своих высказываний человека и отказывают стихийному каузатору (*волосы, борода, щетина*) в статусе субъекта действия в позиции подлежащего, предоставляя ему периферийную позицию — позицию творит. пад.; например, *обрасти волосами, бородой, щетиной*. Как слабые каузаторы, эти формы имеют более низкий коммуникативный статус и становятся менее обязательными. Их значение аккумулярировал глагольное слово, поэтому они могут отсутствовать.

Не употребляется в настоящее время автокаузатив *окружиться*: *Он, окружась толпой врачей, На ложе мнимого мученья Стоная молит исцеленья* (Пушкин).

Глагол *заступить* также изменил свои синтаксические свойства. Ср. узуальные употребления этого глагола в XIX веке как двухвалентного каузатива с семой «полнота заполнения объекта», синонима двухвалентного глагола «закрывать» (*что-н. чем-н.*) и как одновалентного каузативного глагола (*что*): *Опустивши мешок, они [ткач и кум] заступили его собою и закрыли полами...* (Н. Гоголь); *Загорецкий заступил место Скалозуба* (А.С. Грибоедов). В современном употреблении этот глагол встречается в устойчивых выражениях, в которых прослеживается более тесная связь его с классом глаголов движения-перемещения: *заступил за черту; заступил на вахту, на дежурство*.

Следующие два глагола стали стативами, в современном языке они обозначают локальные отношения: *застить* и *облегать* (об одежде); например: *...розовый свитер плотно облегает фигуру, коричневые брюки чуть прикрывают каблук* (Е. Катасонова); — *Сейчас прочитаю [письмо], отойди-ка немного от света, а то застийшь* (А. Гайдар); *Вскочил я сгоряча, пробег сажень пятнадцать, а кровь глаза застит и кругом-кругом из-под ног катится земля* (М. Шолохов).

IV. Синтагматический класс бытийных предложений.

Типы предложений, организуемые акциональными глаголами с экзистенциальным компонентом значения

Категория экзистенции находит разнообразные способы своего представления, в том числе в предложениях с акциональными глаголами. Это «сущностная» категория, которой Аристотель придавал особый статус.

Если модели предложения с событийными глаголами локально направленного действия реалистично, подробно, описывают разные ракурсы события, то строение всех семантических типов моделей предложений с акциональными бытийными глаголами обусловлено наличием модусного плана субъекта речи: информация преподносится в качестве положения дел, факта. Денотативный план, названный конкретной глагольной лексемой, включен в смысл пропозиции. Утверждение говорящего об экзистенции проявляется, прежде всего, в системно закреплённом обратном порядке слов в модели предложения. Ср. заключение Н.Д. Арутюновой: «Когнитивный цикл развивается от восприятия к знанию» [Арутюнова 1988: 112].

Н. Д. Арутюнова выделяет «семантические составляющие» бытийных предложений, которые она называет «заранее заданным комплексом признаков»: «(1) область бытования (локализатор) — пространственный или временной параметр, (2) показатель существования (глагол), (3) бытующий предмет» [Арутюнова 1999: 742].

а) Конструкции с количественной характеристикой, с накопительным компонентом в глагольном значении.

Модели предложений с экзистенциальным компонентом в значении акционального глагола СВ в форме прош. вр. существуют в языке в двух ипостасях: с препозицией обстоятельственной словоформы со значением места или без этой словоформы (с нулевым членом модели); например: *В дом набежало народу / В дом набежал народ / Набежало народу; В избу набились ребятишки / Набились ребятишки; Под куртку напоззли муравьи / Напоззли муравьи.*

б) Предложения с глаголами явления, возникновения. В таких предложениях нередко присутствует темпоральный указатель или он подразумевается; например: *В клубе даётся сеанс одновременной игры в шахматы; На коже делаются пятна; Приближалась довольно скучная пора — Стоял ноябрь уж у двора* (Пушкин); *В народе удержались (не исчезли) старые обычаи; У него завелись деньги; Куда девалась моя книжка?*

в) Предложения наличия, положения в пространстве. В группе стативные и процессуальные глаголы. Формы 1-го и 2-го лица глагола не употребляются.

Над ним довлеет страх; В пейзаже доминируют золотистые цвета.

Глаголы самопроизвольного движения редуцируют сему акциональности и актуализируют сему бытийности; например, о текучей массе: быть, течь (*откуда, куда, по чему*). *С гор движутся сель, грязевые потоки; Течет лавина, лава.*

г) Бытийные предложения с отрицанием при глаголе, имеющие положительный смысл. С категориями «Бытие», «Наличие», «Обладание» взаимодействует концепт «Ассерция — Негация» как оператор при речеобразовании. Речь идет о системно закреплённом экспрессивном способе выражения утверждения. Происходит «лексикализация» отрицания; например: *Старуха его работа санитаркой в больнице, поэтому спирт у них никогда не переводился* (С. Соколов); *Пускай говорит. От его слов тебя не убудет!* (А. Островский); *Улыбка не сходила с его лица; Вчерашний случай не идет из головы.*

д) К бытийному типу предложений близки **соматические речения** с указанием субъекта оценки, изменения состояния или с подразумеваемым субъектом восприятия, что обуславливает фразеологизацию остальной части предложения. Они обычно обозначают неконтролируемые процессы, происходящие в человеке и с человеком как с физическим телом и вместилищем интеллектуальных и психических процессов.

Эти предложения сообщают о положении дел, подлежащее и сказуемое выступают как единый комплекс с характеризующим значением. Модус говорящего может сливаться с модусом называемого в предложении субъекта состояния. Ср.: *У Павла ёкнуло сердце, но сгоряча он не захотел спрашивать, что это за указание*

(В. Белов); *При мысли о дочери остро kleшило сердце* (О. В. Богомолов); *У Тимофея перехватило горло, но он пересилил себя* (Б. Екимов); *И только душу захлестнуло Сребристой мглой из-под подков* (А. Блок).

е) **Предложения, организованные глаголами восприятия.** Н. Д. Арутюнова относит их к «пограничным» случаям бытийности: «На границе между бытийными и субъектно-предикатными структурами расположена обширная область предложений с глаголами восприятия и воспринимаемых признаков (*синеть, блеснуть*), явления, положения в пространстве и именем неопределенной референции» [Арутюнова 1999: 790]. Ср.: *До деревни докатились раскаты грома; Под елью виднелись лисички; Из-за реки донеслась песня; Тень от меловой горы сюда не достигала, и весь берег заливала луна* (М. Булгаков).

V. Выводы

Синтагматический класс глаголов — это функционально-семантическая категория глаголов, способ репрезентации которой — модель предложения или дери-вационная сеть моделей предложений, которая имеет структуру нечеткого множества. Рассмотренные синтагматические классы глаголов являются базовыми концептами. Макросемантические разряды имен существительных в определенных синтаксических позициях также представляют следующие сложные концепты: «множество-континуум», «субстанция, способная к самостоятельному перемещению», «чувства, мысли, явления природы как стихийные силы».

Структура синтагматических классов глаголов делает очевидными парадигматические отношения в языковой системе как на лексическом уровне, так и на уровне синтаксиса глагольного предложения.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Арутюнова Н. Д. Бытийные предложения в современном русском языке // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры. 1999. С. 737–792.

Бахтин М. М. Полн. собр. соч. Т. 6. М.: 1996. С. 303–323.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. Дом ЯСК, 2018. 480 с.

Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: ЯСК, 2011. 518 с.

Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М.: ЯСК, 2017. 336 с.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука. 1975. 560 с. С. 53–87.

Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329.

Добиаш А. В. Опыт частей речи и их форм на почве греческого языка // Известия историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, т.16. Нежин, 1898. 544 с.

Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. Часть I. // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. 261 с.

Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 212 с.

Лазуткина Е. М. Событийные глаголы в аспекте их синтаксических свойств // Филологические науки. 1980. № 3.

Лазуткина Е. М. К проблеме разграничения первичных и вторичных глагольных значений // Словарные категории. М.: Наука, 1988. С. 109–111.

Ломтев Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. 1960. № 4. С. 15–28.

Мигунов А. С. Искусство и наука: о некоторых тенденциях к сближению и взаимодействию // Вопросы философии. 1986. № 7. С. 91–97.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8-е. М., 2001. 544 с.

Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж, 2009. 210 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958. 536 с.

Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Селиверстова О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1976. 380 с.

Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 313 с.

Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 284 с.

Степанов Ю. С. Семантика — Синтактика — Прагматика // Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 175–476.

Улуханов И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Том II.: Глаголы, мотивированные глаголами. М.: Азбуковник, 2017. 432 с.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: 1974. 427 с.

Daneš F. Pokus o strukturní analýzu významů českého slovesá // Slovo a slovesnost. Praha: 1971. № 3. S. 197–207.

Daneš F., Hlavsa Z. a kol. Větné vzorce v češtině. Praha, 1981. 272 s.

Searle J. Intentionality. Cambridge University Press. 1983.

Elena M. Lazutkina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

lazutkelena@yandex.ru

SYNTAGMATIC CLASS OF VERBS: DEFINITION AND CALCULATION

The author describes the syntagmatic properties of verbs and reveals paradigmatic relationships in vocabulary and grammar. In the article, the syntagmatic class of verbs is defined as a functional-semantic category and as a basic concept. To identify the derivational connections of verb phrases, a model of the significative core of sentences is used. The article shows the methodological value of the concept of the “syntactic position of word forms”.

The article contains a description of two syntagmatic classes of verbs: the syntagmatic class of event verbs of locally directed action and the class of existential action verbs.

The following feature of the grammatical semantics of the Russian language is expounded: singular forms of material or abstract nouns in the nominative case or in the instrumental case in a syntactic position with an abstract meaning are functionally identical to the plural forms of certain nouns. They denote an uncountable set, a single whole, an array — that is, they represent the concept of «set» as a «non-discrete set (continuum).» The structure of the syntagmatic class of locally directed verbs can be characterized as a fuzzy set.

The syntagmatic class of existential action verbs represents the periphery of the field of existential predicates. Sentence patterns can be discovered using a constant set of semantic components. The structure of the models is due to the presence of the modus plan of the subject of speech: information about the action is interpreted as a state of affairs, a fact. The denotative plan, called a specific verbal lexeme, is included in the existential meaning of the proposition; in models, the reverse word order is.

Keywords: theory of syntax, syntagmatics and paradigmatics, syntagmatic class of verbs, conceptual analysis.

References

Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt.* [Types of language meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow, «Nauka» Publ., 1988. 341 p. (In Russ.)

Arutyunova N. D. [Existential sentences in modern Russian]. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka.* [Language and the world of man]. Moscow, «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., 1999, pp. 737–792. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Poln. sobr. soch.* [Complete Edition of Works]. T. 6. Moscow, 1996, pp. 303–323. (In Russ.)

Boldyrev N.N. *Yazyk i sistema znanii. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and knowledge system. The cognitive theory of language]. Moscow, «YaSK» Publ., 2018. 480 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki*. [Categorization in a grammar system]. Moscow, «Yazyki slavyanskikh kul'tur» Publ., 2011. 518 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki*. [Verbal categories in the system of functional grammar]. 2-e izd. Moscow, «YaSK» Publ., 2017. 336 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. [About the modality category and modal words]. Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected Works. Studies in Russian grammar]. Moscow, «Nauka» Publ., 1975, pp. 53–87. (In Russ.)

Daneš F. [An attempt at structural analysis of Czech verb meanings]. *Slovo a slovesnost*. Praha, 1971, no 3, pp. 197–207. (In Czech)

Daneš F., Hlavsa Z. a kol. *Větné vzorce v češtině* [Sentence formulas in Czech]. Praha, 1981. 272 p. (In Czech)

Dem'yankov V. Z. [«Event» in semantics, pragmatics and in the coordinates of the interpretation of the text]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*, 1983, v. 42, no. 4, pp. 320–329. (In Russ.)

Dobiash A. V. [The experience of parts of speech and their forms on the basis of the Greek language]. *Izvestiya istoriko-filologicheskogo instituta kn. Bezhborodko v Nezhine*, v. 16, Nezhin, 1898. 544 p. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. [On the understanding of the term «case» in linguistic descriptions. Part I.] *Problemy grammaticheskogo modelirovaniya*. [Grammar modeling problems]. Moscow, «Nauka» Publ. 261 p. (In Russ.)

Kruchinina I. N. *Struktura i funktsii sochinitel'noi svyazi v russkom yazyke* [The structure and functions of the compositional connection in Russian]. Ed. 2nd, rev. Moscow, Book House LIBROCOM, 2009. 212 p. (In Russ.)

Lazutkina E. M. [Event verbs in the aspect of their syntactic properties]. *Filologicheskie nauki*, 1980, no. 3. (In Russ.)

Lazutkina E. M. [To the problem of distinguishing between primary and secondary verb meanings]. *Slovarnye kategorii* [Dictionary Categories]. Moscow, «Nauka» Publ., 1988, pp. 109–111. (In Russ.)

Lomtev T. P. [On the absolute and relational properties of syntactic units (On the notion of position in syntax theory)]. *Filologicheskie nauki*. Moscow, 1960, no 4, pp. 15–28. (In Russ.)

Migunov A. S. [Art and science: about some trends towards rapprochement and interaction] *Voprosy filosofii*. Moscow, 1986, no. 7, pp. 91–97. (In Russ.)

Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific lighting]. Ed. 8th. Moscow, «Languages of Slavic Culture» Publ., 2001. 544 p. (In Russ.)

Popova Z. D. *Sintaksicheskaya sistema russkogo yazyka v svete teorii sintaksicheskikh kontseptov* [The syntactic system of the Russian language in the light of the theory of syntactic concepts]. Voronezh, 2009. 210 p. (In Russ.)

Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From notes on Russian grammar]. Vol. I–II. Moscow, «Uchpedgiz» Publ., 1958. 536 p. (In Russ.)

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Vol. II. Moscow, «Nauka» Publ., 1980. (In Russ.)

Searle J. *Intentionality*. Cambridge University Press. 1983.

Seliverstova O.N. [On the object of linguistic semantics and the adequacy of its description]. *Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of linguistic research]. Moscow, «Nauka» Publ., 1976. 380 p. (In Russ.)

Shcherba L.V. [On the triple aspect of linguistic phenomena and the experiment in linguistics] Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, «Nauka» Publ., 1974. 427 p. (In Russ.)

Sossyur F., de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Proceedings in Linguistics]. Moscow, «Progress» Publ., 1977. 695 p. (In Russ.)

Stepanov Yu.S. *Metody i printsipy sovremennoi lingvistiki* [Methods and principles of modern linguistics]. Moscow, «Nauka» Publ., 1975. 313 p. (In Russ.)

Stepanov Yu.S. *Indoevropskoe predlozhenie* [Indo-European sentence]. Moscow, «Nauka» Publ., 1989. 284 p. (In Russ.)

Stepanov Yu.S. [Semantics — Syntactics — Pragmatic]. Stepanov Yu.S. *Yazyk i Metod. K sovremennoj filosofii yazyka* [Language and Method. Toward a modern philosophy of language]. Moscow, «Yazyki russkoj kul'tury» Publ., 1998, pp. 175- 476.

Ulukhanov I.S. *Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka. T. II.: Glagoly, motivirovannye glagolami* [Verbal word formation of the modern Russian language. Vol. II.: Verbs motivated by verbs]. Moscow, AzbukovniK Publishing Center, 2017. 432 p. (In Russ.)